

**А.В. Епимахов**✉, **М.Г. Епимахова**  
Южно-Уральский государственный университет  
Челябинск, Россия  
E-mail: epimakhovav@susu.ru

## **Синкретический погребальный комплекс Комсомольский II (поздний бронзовый век в Южном Зауралье)**

*Андроновская общность является одной из наиболее масштабных феноменов позднего бронзового века (II тыс. до н.э.) в Северной Евразии. Выделение локальных вариантов и культурных традиций в границах этой общности остается проблемой. Это, в свою очередь, затрудняет понимание механизма формирования и функционирования общности в целом. Главным препятствием является интерпретация синкретических памятников, сочетающих черты разных культурных традиций. Статья вводит в научный оборот результаты раскопок могильника Комсомольский II (Южное Зауралье). Памятник является частью комплекса с поселением Левобережное и синхронизируется с одним из его этапов. Курган 5 хорошо иллюстрирует особенности погребальных ритуалов и комплекса керамики, объединяющих черты алакульской и срубной культур. Ингумация покойных в положении скорченно на левом боку в сочетании с ориентировкой головой на север может трактоваться как черта срубной культуры. Значительная часть керамического комплекса также имеет черты данной традиции. Наряду с этим коллекция включает типичные черты алакульской посуды, отдельные алакульские сосуды, фаянсовый бисер и астрагалы. Последние практически не встречаются в срубных памятниках. К настоящему времени, наряду с синкретическими в Зауралье, обнаружены и собственно срубные курганы. Первые результаты датирования указывают на длительное сосуществование двух традиций на одной территории. Для существенного прогресса в понимании процессов требуется существенное расширение источниковой базы и пространственный анализ всей совокупности данных. Особенно остро ощущается дефицит в отношении памятников к востоку и юго-востоку от публикуемого комплекса.*

Ключевые слова: Южное Зауралье, бронзовый век, погребальная обрядность, алакульская и срубная традиции.

**A.V. Epimakhov**✉, **M.G. Epimakhova**  
South Ural State University  
Chelyabinsk, Russia  
E-mail: epimakhovav@susu.ru

## **Syncretic Burial Complex of Komsomolsky II (Late Bronze Age in the Southern Trans-Urals)**

*The Andronovo family of archaeological cultures is one of the largest phenomena of the Late Bronze Age (second millennium cal BC) in Northern Eurasia. Identification of local variants and cultural traditions within this family of cultures remains a problem which makes it difficult to understand the mechanism behind the emergence and functioning of the entire Andronovo family. The main obstacle is interpreting syncretic sites which combine features of different cultural traditions. This article presents the results of excavations at the Komsomolsky II burial ground (Southern Trans-Urals). It is a part of the complex with the Levoberezhnoe settlement and can be synchronized with one of its stages. Kurgan 5 well illustrates specific features of funeral rituals and pottery complex which combines the features of the Alakul and Srubnaya cultures. Inhumation of the deceased in the crouched position on the left side combined with orientation of the head to the north can be interpreted as a feature of the Srubnaya culture. A significant part of the pottery complex also shows signs of that tradition. Along with this, the collection manifests some typical features of the Alakul dishware, some Alakul vessels, faience beads, and astragali which are almost never found in the Srubnaya graves. The Srubnaya burial mounds have been discovered in the Trans-Urals along with syncretic burial mounds. First results of dating indicate a long-term coexistence of both traditions in the same territory. Marked progress in understanding the processes requires significant expansion of sources and spatial analysis of the entire set of data. The lack of information is especially noticeable for the sites to the east and southeast of the Komsomolsky II burial ground.*

Keywords: Southern Transurals, Bronze Age, funeral rites, Alakul and Srubnaya traditions.

## Введение

Со времени открытия первых андроновских памятников в Хакасии прошло почти сто лет, тем не менее, в интерпретации этой культуры (ныне общности) остается немало вопросов. Среди них заметное место занимает выделение на огромной территории типов, этапов и культур, их хронология и соотношение. Не углубляясь в историографический аспект, отметим лишь, что схема периодизации, предложенная К.В. Сальниковым на базе зауральских материалов [Сальников, 1967], критиковалась и пересматривалась многократно [Стоколос, 1972; Матвеев, 1998; и др.], как и схема Г.Б. Здановича [Зданович, 1988; Григорьев, 2002].

При обращении к аргументам сторон приходится признать, что главная трудность заключается в интерпретации многочисленных синкретических памятников, часто сочетающих черты разных культурных традиций. С точки зрения авторов, не в последнюю очередь это связано с тем, что представления об основных культурно дифференцирующих чертах складывались на примере погребальных памятников, в основном посуды как наиболее массовой категории. Логика такого предпочтения не только в фрагментарности поселенческой керамики, но и в том, что устроители похоронной церемонии, вероятно, должны были выбирать атрибуты, связанные с индивидом или его социальной группой [Усманова, 2005, с. 92]. Конечно, это допущение, но вполне реалистичное.

Все перечисленное никак не отменяет необходимости введения в оборот новых материалов и поиска ответов на вопросы, кажущиеся вечными. Данная работа посвящена публикации одного из зауральских памятников бронзового века, эпохальная принадлежность которого ясна в отличие от культурной идентификации. При этом памятник расположен в зоне, уверенно включаемой в алакульскую ойкумену [Кузьмина, 1994, 2008; Алаева, 2015 и др.].

## Результаты полевых исследований

Могильник располагается в 0,5 км к северу от СЗ окраины пос. Комсомольский (Брединский р-н Челябинской обл.), левый берег р. Синташта (Тобольский бассейн). Памятник обнаружен в 1989 г. по материалам дешифрирования государственной аэрофотосъемки И.М. Батаниной. Близость к укрепленному поселению Левобережное (другие названия – Синташта II, Комсомольское) подразумевала их принадлежность одному комплексу. Впрочем, стационарные раскопки поселения продемонстрировали достаточно сложную его историю обжива-

ния площадки, которая охватила практически все II тыс. до н.э. (калиброванные радиоуглеродные значения) [Епимахов, Петров, 2021].

Курганный могильник представляет из себя широко вытянутую цепочку курганных насыпей. Изученный кург. 5 располагался в ее центральной части. К моменту изучения курган имел максимальную высоту 0,25 м и нечеткие границы, диаметр – в пределах 14–16 м. Повреждения связаны с интенсивным антропогенным воздействием и длительным существованием колонии сурков. Последнее практически полностью уничтожило центр насыпи вместе с погребальными сооружениями в этой части. Об их наличии приходится судить исключительно по переотложенным костям человека и артефактам. Оставление многочисленных бровок и ручная разборка надмогильного сооружения мало добавили к его характеристике, за исключением наблюдения о сохранении погребенной почвы в центре и снятии на периферии площадки.

Из обрядовых черт, не связанных напрямую с захоронениями, достойны упоминания находки каменной среднего размера (до 10 × 15 см) в разных секторах, не образующих никакой системы, а также установленный на основание череп КРС с причлененной нижней челюстью и отчетливыми следами способа умерщвления в виде отверстия овальной формы примерно 4 × 3 см в лобной части. Если это жертвоприношение, видимо, было размещено в небольшом углублении, не прорезавшем материк, то череп и кости конечностей МРС явно располагались на более высоких отметках. Этот комплекс локализован близ одного из погребений (7), но их связь достоверно не установлена. Прочие находки в насыпи (кости человека, астрагалы, подвеска из зуба, небольшой фрагмент бронзовой пластины, фрагменты керамики, в некоторых случаях археологически целые сосуды (рис. 1, 1, 2, 6)), вероятно, являются следами разрушенных погребений центральной части.

Погребальных объектов сохранилось шесть, и они сосредоточены в северо-восточном секторе площадки. В одном случае проследить границы неглубокой ямы не удалось, в других – их размеры оказались очень невелики (максимальная длина – 1,05 м, ширина – 0,7 м). Во всех случаях речь идет о захоронениях детей младших возрастов, обычно индивидуальных. Могильная яма 6 содержала потревоженные норой останки двух человек. Документированные комплексы различаются только в деталях, обычно это ингумация в положении скорчено на левом боку с ориентировкой в северном секторе с незначительными отклонениями. Расхождение касается числа (максимум два) и размещения сосудов (как правило, в районе головы), а также

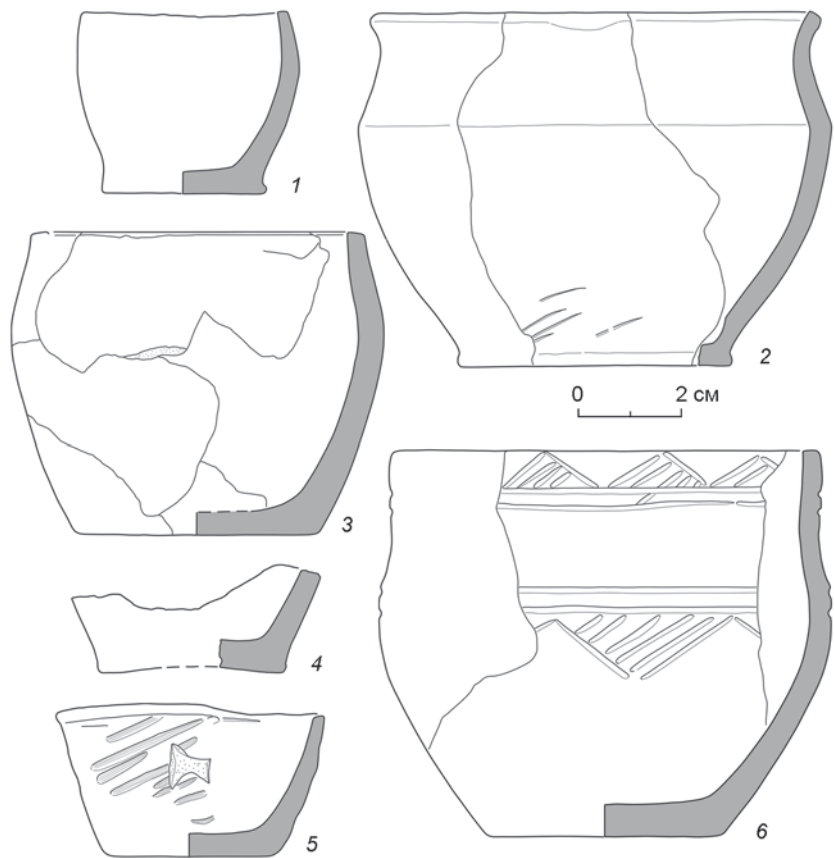


Рис. 1. Могильник Комсомольский II, кург. 5. Керамические сосуды.  
1, 2, 6 – насыпь; 3 – погребение 1; 4, 5 – мог. яма 2.

дополнительных артефактов. Среди последних – астрагалы, мелкий фаянсовый бисер в районе черепных костей и кристалл кварца.

Вся посуда лепная, плоскодонная, в коллекции представлены горшечные, баночные и баночно-горшечные формы. Наряду с типичной зауральской примесью в глиняном тесте в виде тальковой дресвы (56 %), широко представлен шамот (36 %), единично – слюда. На одном из фрагментов обнаружен отпечаток ткани – довольно распространенная находка для синташтинской и петровской традиций, реже встречающаяся в алакульских сериях [Мед-

ведева, Алаева, 2017]. Нужно подчеркнуть еще один момент. В нашей серии есть пример сосуда настолько слабого обжига, что его удалось зафиксировать только на месте обнаружения. Логично предположить, что он был изготовлен специально для ритуала.

Возвращаясь к морфологии посуды, следует отметить, что из всей серии лишь один сосуд (рис. 2, 4) строго соответствует сложившемуся у исследователей стереотипу алакульской керамики (уступчатое плечо, свободная от орнамента полоса в основании шейки, набор элементов орнамента). Прочие сильно уступают ему в качестве формовки, обработки поверхности, тщательности нанесения орнамента и пр. Часто эти черты наряду с низким расположением максимального расши-

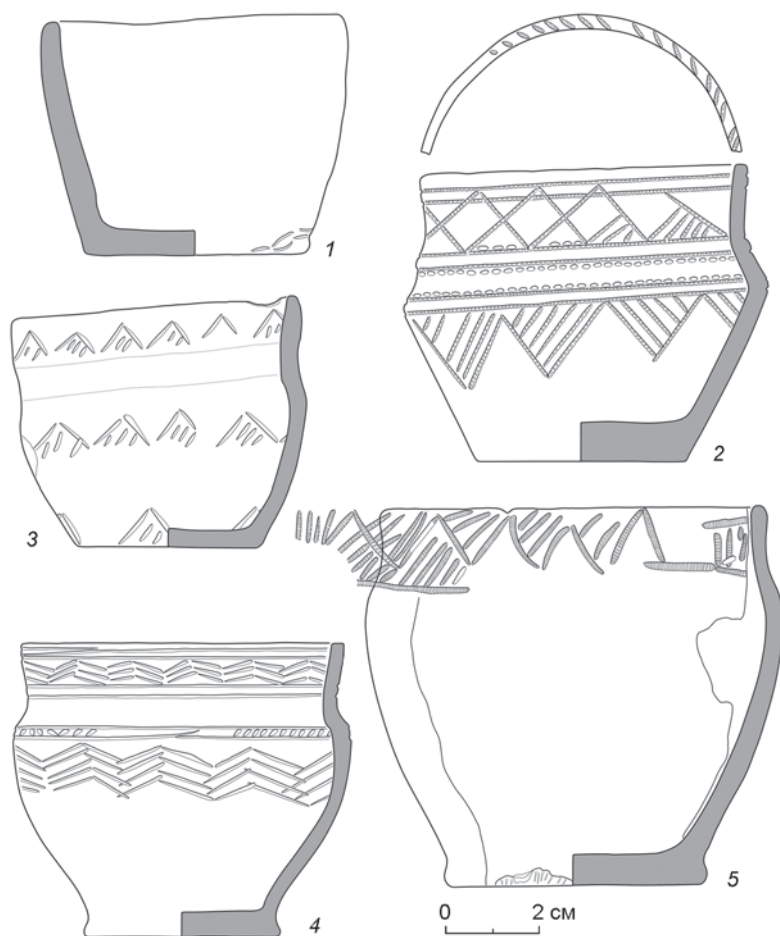


Рис. 2. Могильник Комсомольский II, кург. 5. Керамические сосуды.  
1, 2 – мог. яма 7; 3 – мог. яма 4; 4 – мог. яма 3;  
5 – мог. яма 6.

рения тулова (рис. 2, 2) оцениваются как срубные. Такой интерпретации не противоречит и северная ориентировка покойных. Если рассматривать морфологию как хронологический маркер, то серия посуды явно не относится к наиболее ранним алакульским примерам.

### Обсуждение

Как уже упомянуто выше, могильник первоначально рассматривался как вероятный некрополь синташтинского укрепленного поселения [Зданович, Батанина, 2007], однако раскопки данное предположение опровергли. Никаких черт синташтинской культурной традиции не просматривается, следовательно, ранний этап стационарного освоения площадки на этом участке пока погребениями не представлен. Не исключено, что синташтинский некрополь был уничтожен при застройке поселка Комсомольский (правый берег р. Синташта). Расположение поселения и могильника на противоположных берегах реки встречается нередко. В исследованной части поселения лучше всего представлен период финала бронзового века, в меньшей степени – синташтинские, черкаскульские и алакульские древности [Носкевич и др., 2021]. Именно с последними, видимо, должен быть синхронизирован раскопанный курган.

Культурная идентификация комплекса менее определена в свете изложенных соображений об облике керамики и некоторых чертах обрядности. С одной стороны, свой вклад в эту неопределенность внесло доминирование именно детских захоронений с явно упрощенной обрядностью и посудой, часть из которой делалась специально для погребения, а иногда и руками детей [Берсенева, Куприянова, Берсенов, 2014]. В коллекциях поселений также можно вычлнить результаты детской работы [Епимахов, Берсенева, Пантелеева, 2012]. Впрочем, керамика из насыпи, вероятно связанная с центральным погребением, также не имеет очевидных отличий. За алакульскую интерпретацию говорит и такая категория, как астрагалы. Они обильно представлены в погребальной традиции синташтинской, петровской и алакульской культур, но почти вовсе отсутствуют в срубных погребениях. С другой стороны, со времен К.В. Сальникова, зауральские памятники степи данного периода рассматриваются как зона широкого взаимопроникновения срубных и алакульских традиций. Эта территория определена И.П. Алаевой как центральная часть зауральской алакульской зоны, тяготеющая к традициям западноалакульской, соль-илецкой культурной группы, ядро срубно-алакульского взаимодействия [Ала-

ева, 2015, с. 13]. Впрочем, в последние годы все увереннее часть из них определяются как собственно срубные [Могильник ..., 2020; Епимахов и др., 2021; и др.]. В условиях не вполне определенной хронологии алакульских древностей вопрос об объяснении данной ситуации не может быть решен однозначно. Наконец, следует держать в уме и то, что культурная идентификация комплексов и групп обычно проводится исключительно с опорой на облик керамики, в то время как реальная картина явно была богаче и разнообразнее, в том числе и за счет внутренней вариативности любой традиции, для которой мы изучаем лишь одну категорию материальной культуры.

### Выводы

Публикуемые результаты раскопок кург. 5 могильника Комсомольский II являются примером синкретических памятников Южного Урала и прилегающей части Казахстана, в которых признаки срубной и алакульской культур сочетаются в различных вариантах и пропорциях. Наряду с алакульскими памятниками в Зауралье обнаружены и собственно срубные. Единичные датировки последних [Hanks, Epimakhov, Renfrew, 2007; Епимахов и др., 2021] пока не позволяют сделать окончательные заключения, но очевидно, что мы имеем дело с длительным периодом, начало которого приходится на первые века II тыс. до н.э. (в системе калиброванной радиоуглеродной хронологии). Такая картина предполагает чересполосное сосуществование групп с разными культурными традициями на относительно компактной территории без противопоставления их друг другу. Во всяком случае, поселения этого не демонстрируют, а обнаружение в одном контексте разнокультурных или синкретических материалов вовсе не экзотика. Возможно, расширение базы для выводов и пространственный анализ позволяет выделить микрорайоны и/или экологические ниши, к которым тяготеет та или иная культурная традиция. Пока же приходится констатировать, что к востоку и юго-востоку от публикуемого комплекса мы наблюдаем явный дефицит исходных данных. Исключение – могильники в районе г. Лисаковск [Усманова, 2005], где отчетливо прослеживается взаимодействие алакульских и федоровских традиций, но отсутствуют следы срубных.

### Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания Минобрнауки Российской Федерации, проект № FENU-2020-0021.



## Список литературы

**Алаева И.П.** Территориальные группы памятников позднего бронзового века в степной части южного Зауралья // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2015. – № 14. История, вып. 64. – С. 9–15.

**Берсенева Н.А., Куприянова Е.В., Берсенева А.Г.** Следы детства: поиск детей в археологическом источнике и изучение керамических артефактов (эпоха бронзы Южного Зауралья) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, № 3. – С. 88–100.

**Григорьев С.А.** История изучения эпохи бронзы Южного Зауралья // История археологии Южного Зауралья. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2002. – С. 40–112.

**Епимахов А.В., Берсенева Н.А., Пантелеева С.Е.** Миниатюрные сосуды поселения Каменный Амбар // Уральский исторический вестн. – 2012. – № 4. – С. 70–77.

**Епимахов А.В., Куприянова Е.В., Хоммель П., Хэнкс Б.К.** От представлений о линейной эволюции к мозаике культурных традиций (бронзовый век Урала в свете больших серий радиоуглеродных дат) // Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции: материалы I Междунар. междисциплинар. конф. / отв. ред. Е.В. Куприянова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. – С. 7–29.

**Епимахов А.В., Петров Ф.Н.** Радиоуглеродная хронология культурных традиций бронзового века Зауралья: по материалам поселения Левобережное (Синташта II) // РА. – 2021. – № 3. – С. 67–79.

**Зданович Г.Б.** Бронзовый век урало-казахстанских степей (основы периодизации). – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – 184 с.

**Зданович Г.Б., Батанина И.М.** Аркаим – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). – Челябинск: Крокус; Южно-Уральское кн. изд-во, 2007. – 260 с.

**Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Восточная литература, 1994. – 464 с.

**Кузьмина Е.Е.** Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности: монография. – Актобе: ПринтА, 2008. – 358 с.

**Матвеев А.В.** Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука, 1998. – 417 с.

**Медведева П.С., Алаева И.П.** Ткани бронзового века в Южном Зауралье и северном Казахстане // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – № 1. – С. 5–12. – doi: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-005-012

**Могильник Степное 25: культурный синкретизм на границе степи / Е.В. Куприянова, В.С. Стоколос, Н.Ф. Петров, Н.С. Батанина; под общ. ред. Е.В. Ку-**

**прияновой.** – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2020. – 155 с.

**Носкевич В.В., Федорова Н.В., Петров Ф.Н., Батанина Н.С.** Реконструкция плана поселения эпохи бронзы Левобережное (Южный Урал, Россия) // Поволжская археология. – 2021. – № 3. – С. 142–154. – doi: 10.24852/ra2021.3.37.142.154

**Сальников К.В.** Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 408 с.

**Стоколос В.С.** Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). – М.: Наука, 1972. – 167 с.

**Усманова Э.Р.** Могильник Лисаковский I: факты и параллели. – Караганда – Лисаковск: [б. и.], 2005. – 232 с.

**Hanks B.K., Epimakhov A.V., Renfrew A.C.** Towards a Refined Chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia // *Antiquity*. – Vol. 81, № 312. – 2007. – P. 353–367.

## References

**Alaeva I.P.** Territorial groups of monuments of the Late Bronze Age steppe part of South Transurals. *Vestnik Chelyabinsk State Univ.*, 2015. N 14. Vol. 64. P. 9–15. (In Russ.).

**Berseneva N.A., Kupriyanova E.V., Bersenev A.G.** Traces of childhood. Search for children in the archaeological record and study of ceramic artefacts (Bronze Age of the South Trans-Urals). *Vestnik Novosibirsk State Univ. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2014. Vol. 13. N 3. P. 88–100. (In Russ.).

**Epimakhov A.V., Berseneva N.A., Panteleeva S.E.** Miniaturnye sosudy poseleniya Kamennyi Ambar. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2012. N 4. P. 70–77. (In Russ.).

**Epimakhov A.V., Kupriyanova E.V., Hommel P., Hanks B.K.** Ot predstavlenii o lineinoi evolyutsii k mozaike kul'turnykh traditsii (bronzovyi vek Urala v svete bol'shikh serii radiouglerodnykh dat). In *Drevnie i traditsionnye kul'tury vo vzaimodeistvii so sredoi obitaniya: problemy istoricheskoi rekonstruktsii: materialy I Mezhdunar. mezhdistsiplinar. konf.* Chelyabinsk: Chelyabinsk State Univ. Press, 2021. P. 7–29. (In Russ.).

**Epimakhov A.V., Petrov F.N.** Radiocarbon chronology of the Bronze Age cultural traditions in the Trans-Urals: based on the materials of the Levoberezhnoe (Sintashta II) settlement. *Rossiiskaya arkheologiya*, 2021. N 3. P. 67–79. (In Russ.).

**Grigor'ev S.A.** Istoriya izucheniya epokhi bronzy Yuzhnogo Zaural'ya. In *Istoriya arkheologii Yuzhnogo Zaural'ya*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Univ. Press, 2002. P. 40–112. (In Russ.).

**Hanks B.K., Epimakhov A.V., Renfrew A.C.** Towards a Refined Chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia. *Antiquity*, 2007. Vol. 81. N 312. P. 353–367.

**Kupriyanova E.V., Stokolos V.S., Petrov N.F., Batanina N.S.** Mogil'nik Stepnoe 25: kul'turnyi sinkretizm na granitse stepi. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Univ. Press, 2020, 155 p. (In Russ.).

**Kuzmina E.E.** Otkuda prishli indoarii. Material'naya kul'tura plemen andronovskoi obshchnosti i proiskhozhdenie indoirantsev. Moscow: Vostochnaya literatura, 1994. 464 p. (In Russ.).

**Kuzmina E.E.** Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoy kulturnoy obshchnosti: monografiya. Aktobe: PrintA, 2008. 358 p. (In Russ.).

**Matveev A.V.** Pervye andronovtsy v lesakh Zaural'ya. Novosibirsk: Nauka, SB RAS Publ., 1998. 417 p. (In Russ.).

**Medvedeva P.S., Alaeva I.P.** Textile in the Bronze Age of the Southern Trans-Urals and Northern Kazakhstan. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2017. N 1. P. 5–12. (In Russ.). doi: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-005-012

**Noskevich V.V., Fedorova N.V., Petrov F.N., Batanina N.S.** Reconstruction of the Settlement

Levoberezhnoe Plan of the Bronze Age (South Ural, Russia). *Povolzhskaya Arkheologiya*, 2021. N 3. P. 142–154. (In Russ.). doi: 10.24852/pa2021.3.37.142.154

**Sal'nikov K.V.** Ocherki drevnei istorii Yuzhnogo Urala. Moscow: Nauka, 1967. 408 p. (In Russ.).

**Stokolos V.S.** Kul'tura naseleniya bronzovogo veka Yuzhnogo Zaural'ya (khronologiya i periodizatsiya). Moscow: Nauka, 1972. 167 p. (In Russ.).

**Usmanova E.R.** Mogil'nik Lisakovskii I: fakty i paralleli. Karaganda, Lisakovsk: s. n., 2005. 232 p. (In Russ.).

**Zdanovich G.B.** Bronzovyi vek uralo-kazakhstanskikh stepi (osnovy periodizatsii). Sverdlovsk: Ural State Univ. Press, 1988. 184 p. (In Russ.).

**Zdanovich G.B., Batanina I.M.** Arkaim – Strana gorodov: Prostranstvo i obrazy (Arkaim: gorizonty issledovaniy). Chelyabinsk: Krokus Press; South Ural Publ., 2007. 260 p. (In Russ.).

Епимахов А.В. <https://orcid.org/0000-0002-0141-1026>

Епимахова М.Г. <https://orcid.org/0000-0002-8960-7356>